

Да ты, рождённый с цыганскою кровью, оголённый, как нерв,
Укрываешься маской примерного лицеиста.
В стране вечной сестры ты будешь великим и первым.

Целуешь стихами, выполняешь невиданные лицедейства,
А после укрываешься тканью испуганно и поспешно,
А стихи пишешь так, будто проводишь сраженьё.

И ты будешь убит накануне войны страшнейшей
Как символ свободы. И ей же в ужасное приношеньё.

А. ВАЩЕНКО.

Оно в груди твоей пылает, слышишь?
Оно горит, как яркий свет в ночи,
Оно с тобой всегда, пока ты дышишь.
Оно едва ли стихнет и смолчит...

Оно трепещет пойманною птицей,
Оно зарницей освещает темноту,
Оно безумной ветряной тряпицей
От урагана чувств разрежет пустоту!

Остановись, послушай бархат звука,
Замри, вздохни... в мгновение лишь
Душой почувствуй этот ритм стука...
«О, сердце, ты опять... ГОРИШЬ!»

Е. ИВАНОВА.

ОТЦУ НИКОЛАЮ

Закатное солнце всё ниже и ниже.
Собор среброглавый вдали допылал,
И небо над северным городом Киж
Господь плащаницей ночной накрывал.

Священник босой плыл на вёсельной лодке
И песенку пел на родном языке.
И галльские звуки — напевны и четки —
Вбирала вода, как следы на песке.

Из пойманной рыбы ему будет ужин.
И в бедный свой дом он плывёт, не спешит,
Ведь «русскому» Богу богатый не нужен,
Ведь только в покое спасенье души.

А в маленьком домике в дальнем Париже
Отец из России всё восточки ждёт.
И слышит: на северном острове Киж
Французскую песню сын тихо поёт.

Д. АНДРЕЕВ.

ТЕБЯ НЕТ

тебя нет.
ты лежишь под деревом за дорогой.
уходя от нас, приближаясь к Богу...
после стольких счастливых лет.
тебя нет.

ты прошался со мною усталым взглядом.
то судьба бездушная виновата,
что обрушилось столько бед.
тебя нет.

ты лежишь клубком на моем диване.
а когда теплей и спокойней станет,
я тихонько включаю свет.
тебя нет.

У. ХВЕСЬКО.

ТЕМНО

За окном, поверь мне, очень темно, а в доме
тихо, как после бала.

Я говорю себе: «Телефоны — зло!» — они в ответ
мне молчат.

Рассказала
я себе бы новую сказку уже давно, только старой
не дописано и начало.

Хочу в театр, кафе, бильярд, наконец, кино —
дойти до первого отрешенного зала, а что вокруг,
мне, кажется, все равно.

Сама не верю.

Подумать?

Устала!

Час за часом листаю стихи — всё одно: одни
ошибки, грабли, вилы и жало.

Бежать и бояться лишь каблуками о дно — все
твердят: «Так высоко ещё не летала!»

Была бы слабее — топила бы мысли в вино, что
придут, простят и согреют, всегда бы знала.

Пока сидеть и учиться делать из чувств стекло...
Об этом как-будто я где-то уже читала...

Не страшно!

Поверьте — мне сегодня тепло — почти нагая на
полу в центре зала...

Просто на дворе мерзко и которые сутки темно, я
молчащему телефону опять же не все сказала.

Очень прошу тебя — не смотри сегодня в окно,
все равно не спросишь, куда я тогда бежала.

Едва заметно ночь по коже хлыстом, то — как
детский плач в суете вокзала...

Я одна здесь всегда в этом доме так тесно чужом,
ищи меня, пока не напишешь сказке финала.

Тьма укрыта серо-кровавым плащом...

Прости, я сейчас все не то сказала...

Д. БУРЦЕВА.

Порою так мне хочется суметь
Уйти, самой себе поставив срок,
И эту — со спесивой кличкой
Смерть —
окинуть взглядом с головы до ног,
сказать ей: — Ладно, вижу, ты —
не миф.
Что ж, чёрт с тобой, твоя,
как видно, власть.
И твой закон не столь несправедлив.
Рождённый жить рождён однажды пасть.

С. КАПУТИКЯН.

Два отдыхающих в азарте
Сцепились в споре об инфаркте.
— У вас инфаркт был? Ерунда!
Вот у меня, так это да!
Они пикировали люто,
И каждый был настолько зол,
Что оба через полминуты
Уже лизали валидол.
...Инфарктник! Не забудь о главном,
Коль не наскучил жизни путь:
Не будь сварливым и тщеславным,
Да и завистливым не будь!

Я. БЫЛАНИН.

Поволокою тумана
Застелило небеса.
Проглядели в сердце рану
Мне зелёные глаза.

Закружился по дороге
Жёлто-красный листопад.
Я, укутавшись в тревоге,
Не ищу пути назад.

Загорелся ровной гладью
Перепуганный рассвет.
Прикоснулся нежной прядью
Почелуй любимых век.

Горячи и осторожны
Те зелёные огни.
Позабить их невозможно —
Ласково влекут они...

О. НОВОХАТСКАЯ.

Занавешены пылью шторы,
Сквозняк прорывается птицей
Сквозь ветхие окна больницы.
Слышен гул подъезжающей «скорой».
Табуретки из восьмидесятых,
Сталактиты из штукатурки,
В ординаторской кофе из турки,
Пара мух, в паутине распятых.
Практикант на дежурстве. Кушетка
Провалилась под весом мальчишки,
Под кушеткой рассыпаны книжки.
В старой вазе вербная ветка.
Ночь с субботы на воскресенье,
На столе одинокая стопка.
Ординатор нетвердой походкой
По стене продвигается тенью.
Зазвонил телефон. Утро.
Эту музыку слышу за дверью.
Сигарета. Похмелье. Поверю:
Мед закончил — поступил мудро.

П. НЕСМИЯНОВ.

И ИМ ГОРДИТСЯ ВОЛГОГРАД!

Как вечный символ славных дел,
И в назиданье поколениям,
Он душу каждому согрел,
Кто в нём нуждался без стеснения.

Он каждому студенту рад,
И всем откроет двери снова.
И им гордится Волгоград!
ВолГМУ — не просто слово!

Студенты-медики в строю
Готовы жить, любить, сражаться,
Хранить любимую страну,
Здоровье — главное богатство!

Хоть было трудно в те года,
Когда сражались за отчизну,
Он выстоял и навсегда
Встал на границе смерти с жизнью.

Прошло с тех пор немало лет,
Но он, прекрасный, только крепнет,
«Любимый университет» —
Любуясь им, так каждый шепчет...

Р. ГАЙНУТДИНОВ.

РЕКА

Твои волны бьются в мои берега,
и не ясно, кто чей хозяин:
как весна глыбы льда
растирает руками,
так и эта вода
пожирает мой камень.
Только ты не уйдешь от меня:
твои волны бьются в мои берега,
пусть река широка,
пусть вода глубока,
пусть изгибами вьется звенящее русло —
я и шире, и глубже, и крепче рука,
но не знаю,
что жлет нас с тобою близ устья.
А пока, как всегда,
тихо плещет вода,
твои волны бьются в мои берега,
и стирается камень, тает.

Е. МОРКОВИН.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ «ЗЛАТОУСТ»

Подборку подготовил председатель клуба
Руслан ГАЙНУТДИНОВ.

Свои пожелания, предложения и замечания
присылайте на e-mail: zlatoust-volgmed@yandex.ru

По улицам бродит осень, срывая последние листья.
И город устало трется щекой о ее плечо.
Туманом осенних будней подступают наши мысли.
И все разговоры стали как будто-то бы ни о чем.

Из шороха мокрых листьев, из ярких рекламных бликов
И из дождливой правды проступят узоры слов.
А осень кружит по лужам, а осень сбивает с мысли,
А осень в насмешку припомнит мне запах твоих духов.

Мой город совсем измучен, он ловит холодный воздух,
Он кутается в туманы, он смотрит побитым псом.
И нарисован мелом девиз: «Я ведь стану лучше!»
И расплываются строчки, и забываются сном...

Я так безнадежно болен туманной моросью неба,
Цветными зонтами прохожих, мерцаньем больших витрин.
И я буду рад объятьям, как нищий кусочку хлеба...
Но ведь никто не поверит, что здесь я всегда один...

Никто никогда не вспомнит, что осень всего лишь слово,
Всего лишь простое слово среди бесконечных дел.
Мой город, давай забудем, давай попробуем снова...
Давай попробуем сделать все то, что я так хотел.

Я просто открою двери, я просто отрину страхи
И растворюсь в сиянии твоих золотых фонарей.
Мой город, прими мое сердце, сними мою душу с плахи...
И отгони умелых, насмешливых, злых палачей.

Т. КОРНЕЙЧУК.